

The poster depicts a dramatic scene inside a Gothic cathedral. In the foreground, an elderly man with a white beard, wearing a purple robe, looks intensely at the viewer. Behind him, a young man in a golden tunic points forward. To the left, a man in a dark hooded cloak holds a flaming torch aloft. In the background, another man in a dark tunic is visible. The cathedral's architecture, with its tall columns and pointed arches, is illuminated by warm, golden light. At the bottom of the poster, a glowing blue and white wave-like graphic separates the title from the subtitle.

Генри Лайон
ОЛДИ

БЕЗДНА
ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

КЛАССИКА ФИЛОСОФСКОГО БОЕВИКА

Генри Лайон Олди

Ожидающий на Перекрестках

Серия «Бездна Голодных глаз», книга 5

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119693
Бездна Голодных глаз: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52075-6

Аннотация

Один за другим уходят боги, вливаясь в душу Сарта-Мифотворца. Только так можно подхватить и удержать крышу Дома-на-Перекрестке, готовую в любой момент рухнуть на наши головы. Жесток и опасен мир, в котором правит бал таинственная Зверь-Книга. Все попавшие под ее влияние – угодившие в Переплет, – становятся словами и знаками, призраками и марионетками, утрачивая самостоятельность.

Бездна Голодных Глаз по-прежнему хочет вырваться в наш мир.

[Видео о цикле «Бездна Голодных глаз»](#)

Содержание

Мифотворец	6
1	6
2	12
3	15
4	21
5	27
6	31
Сказка, убитая на рассвете	33
7	33
Возлесловие	36
8	39
9	43
10	50
11	53
12	55
13	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Генри Лайон Олди

Ожидающий на Перекрестках

*Все вы идете к истине различными путями, а я
стою на перекрестке и ожидаю вас...*

Будда

*Итак, если свет, который в тебе, – тьма, то
какова же тьма?*

Евангелие от Матфея

Не листайте эти страницы в тщетной надежде отыскать крохи правды о мире – ибо правды здесь нет, и мира этого нет, а есть лишь боль и память, память и боль.

...Не листайте эти страницы, стремясь отвлечь себя чужой ложью о том, что было и чего не было, – ибо за ложь эту дорого плачено, дороже, чем за правду, и поздно теперь порицать, утверждать или сомневаться.

...Не листайте эти страницы от нечего делать, ибо воистину страшен тот час, когда человеку нечего делать, и идти некуда, и обрыв манит лишь тем, что он – обрыв.

...Не читайте написанного, потому что слова – ширма, темница, оковы, в которых бьется недосказанное; и меня не слушайте, когда я кричу вам об этом, потому что и я связан словами, как и все; не слушайте меня, не слушайте, не...

И не верьте мне, когда я говорю вам об этом.

Мифотворец

*Будто в руки взял Молнию, когда во мраке Ты
зажег свечу.*

Басё

*Идемте, друзья мои; никогда не бывает слишком
поздно, чтобы искать новый мир.*

Теннисон. «Улисс»

1

В Доме было ужасно холодно. Временами мне казалось, что я не прав и лучше было бы сказать – зябко и сыро, – но ознобу, сотрясавшему мое тело, все эти словесные кружева казались глупыми и смешными. И, главное, не меняющими сути.

Изредка я протягивал руки к витому подсвечнику, к его бронзовым, позеленевшим от времени розеткам, где покорно истекали черным воском три толстых свечи, и их пламя послушно согревало мои пальцы, подрагивая и колеблясь в выборе собственного цвета – от охры до кармина.

Странный тюльпан, напоминавший залитый свежей кровью пергамент, склонился ко мне из вазы и попытался прочесть написанное. Я прикрыл слова ладонью, улыбнулся и

пощекотал любопытный цветок кончиком пера. Он обиженно качнулся на упругом стебле и сомкнул лепестки. Тюльпан мерз, как и я. Он был уже очень старый, этот преступно-багровый тюльпан, ему скоро придется умереть, засыпав сморщенными крылышками неведомых бабочек мой стол, и я ничего не мог изменить в реальности срезанной жизни. Реальность – это вообще не моя стихия...

Я встал и вышел из комнаты. Почти от самого порога начиналась лестница – сегодня она была узкая и деревянная, – и я спустился по ней в нижний зал, слегка касаясь перил и поглаживая приятную на ощупь матовую полировку.

Внизу горел камин, и отблески огня метались по оружию, развешанному на массивных, потемневших от времени стенах. Я подошел к креслу с затейливо выгнутыми подлокотниками и принялся разглядывать секиру, висевшую над ним. Лезвие было тонким, непривычно-декоративной формы, но древко охватывали металлические кольца с гравировкой. Вчера вечером здесь висел ковер. Большой такой ковер в темно-зеленых тонах, и в самом центре орнамента чуть покачивалась кривая сабля в золоченых ножнах. Я отчетливо помнил их – ковер и саблю, – потому что никак не мог понять тайну гармонии прямых углов ковра и дуги клинка, и все стоял, смотрел...

– Дура, – сказал я секире. Она не ответила.

Раньше я думал, что Дом смеется надо мной. Теперь я так не думаю. Даже Предстоятели не властны над изменениями

Дома, и их иллюзии теряют силу на пороге. На пороге, который сегодня выглядит так, а завтра – совсем иначе. А через час вообще никак не выглядит.

В западной стене зала обнаружилось окно. Высокое стрельчатое окно с леденцовыми витражами в верхней части. Вдалеке виднелся косогор, и силуэт черного всадника неся по его кромке на фоне чуть посветлевшего неба. Только контур, слегка размытый движением, контур двухголового кентавра с крыльями за человеческой спиной – лук, что ли?.. или плащ... – и я машинально забарабанил пальцами по подоконнику, качнув шнур занавеси с кисточкой на конце.

Всадник резко осадил коня, заплясавшего на рыхлой крутизне, и их тени на мгновение слились в одну бесформенную массу. До меня донеслось приглушенное ржание и сдавленный вопль ужаса. Огромное гибкое тело вознеслось перед ошалевшим кентавром, и оскалившаяся пасть с пушистым подбородком закачалась из стороны в сторону, повинаясь причудливому, срывающемуся ритму...

Я выругался, отдернув руку от шнура занавеси, и мои пальцы намертво впились в подоконник. Небо над холмами вновь опустело, но конь и человек уже исчезли по ту сторону гряды, став невидимыми для меня, и лишь далекий топот копыт отозвался легким дребезгом оконного стекла.

– Спасибо, Сарт, – услышал я у себя за спиной тихий голос, в котором играло на серебряном ксилофоне время от

заката до восхода.

– Не за что, – угрюмо буркнул я и, чуть помедлив, добавил тоном ниже:

– Рад служить, Предстоящая...

И повернулся навстречу смеху – призраку, тени, намеку на смех.

Там, где еще недавно горел камин, стояла миниатюрная женщина в бархатной накидке с капюшоном, и добрая дюжина тройных шандалов напрасно тратила свой свет, пытаюсь высветить хоть что-то внутри этой агатовой накидки.

Она шагнула вперед, сбрасывая капюшон и легко касаясь тонкими пальцами ковра на стене, – темно-зеленый ковер и золото кривых ножен в центре, – и все исчезло.

Тайна исчезла. Обычная женщина, мне по плечо, выющиеся волосы обрамляют овал лица, и это лицо улыбалось мне, а я, как дурак, улыбался в ответ, хотя в Доме было по-прежнему холодно и настроение мое было по-прежнему мерзким.

«Надолго, Лайна?» – хотел спросить я. И не спросил.

«Что произошло, Предстоящая?» – хотел спросить я. И тоже не спросил.

– Это было хорошо придумано, – сказала она, и звездные камни ее перстней обожгли мне глаза.

«Что именно?» – хотел спросить я. И не спросил. Я знал – что именно.

– Со шнуром, – сказала-пропела Лайна, опускаясь на дубовую скамью. – Просто и изящно. Мастерски. Я полагаю,

что гонец Махметкул-арра уже захлебывается в ближайшей таверне красным вином и собственным враньем. Еще одна легенда, еще один глотокпряного страха, еще один камень в пирамиде мифа... Спасибо, Сарт. Прекрасная работа.

Тонкие губы Лайны-Предстоящей еле заметно подрагивали, породистый нос с легкой горбинкой словно принюхивался к далекому, слабому аромату, и я понимал, что неизвестный мне гонец Махметкул-арра в эту минуту с восторгом рассказывает кому-то о случившемся, привирая добрую четверть, если не половину, и его слушатели кивают головами, шепча темное имя Ахайри, Матери-Ночи.

Лайна резко поднялась и направилась к мраморной лестнице, покрытой чем-то алым и ворсистым. Она шла по ступенькам, чуть подобрав подол длинного платья, и перила рядом с ней наверняка были гладкими и ледяными. Каменными были перила. А мои ладони еще помнили дерево, дерево этих же перил пятиминутной давности...

Шутки шутишь, Дом, Дом-на-Перекрестке? Мы бродим, мечемся, спешим, а ты стоишь и поджидаешь всех нас, и твоя вечная изменчивость хранит внутри, в самой сердцевине, некий тайный зародыш...

Чем прорастешь, Дом, Дом-на-Перекрестке?!

...Я смотрел вслед Предстоящей, а за моей спиной молчала стена с обоями в цветочек, стена без всяких признаков окна с витражами, но я знал, что там, снаружи, занимается рассвет.

Иначе бы Она не ушла.

– До заката, Предстоящая, – прошептал я и вновь почувствовал, что мерзну.

– До заката, Мифотворец...

В Доме было ужасно холодно.

2

Я вернулся в свою комнату, мрачно подмигнул просиявшему тюльпану и открыл тумбочку у кровати, где у меня еще оставалось с полбутылки хиразского бальзама. Темно-топазовый, чуть горчит, тридцать две травы в настое, а крепость...

Такую крепость не в одиночку штурмовать. Я подумал, вытащил пробку и двинулся на приступ.

...Пятый глоток настроения не улучшил, но ощутимо добавил тепла в окружающую сырость. Зря все-таки Лайна назвала меня Мифотворцем. Ведь знает же, что не люблю, и я знаю, что она знает, и тем не менее...

Шестой глоток. Седьмой. Я попытался расслабиться и вспомнить, какой покорно-томительной любовницей бывает хрупкая Лайна, Предстоящая Матери-Ночи Ахайри, но в голову упрямо лезло совсем другое: пинки, теряющее чувствительность тело, смех разгоряченной толпы, в которую судорожно швырял бесполезные слова чужак по имени Сарт... Я только что выпал из своего, привычного мира, я еще не успел понять, что Тяжелое Слово Магистра Сарта здесь, в этом простом и старом существовании, превратилось в горсть побрякушек, раздавленных в крошку сандалиями зевак. Я еще жил тем, о чем не хочу рассказывать – не здесь, не сейчас, – и не научился пока жить заново. Пинки, смех, стыд – и по-

рог неизвестно откуда взявшегося Дома, шелест убегающих ног позади – и глаза, внимательные, оценивающие глаза Лайны-Предстоящей.

Временами я ненавидел эти глаза. Мне казалось, что в них сосредоточилась вся тяжесть здешнего практичного бытия, где тщательно продуманные чудеса отмеряются по чайной ложке для здоровья тупеющего человечества; и мы – личные Мифотворцы Предстоятелей – укладываем иллюзорные кирпичи легенд, лжи, сказок, чтобы люди могли жрать, спать, размножаться и изредка, на сон грядущий, тешить ожиревший разум словами о том, чего нет и не может быть.

Мой бедный, глупый ночной всадник! Ты же знал, верил, ты был готов испугаться, ты испугался почти радостно, ты так и не понял, что это твой сладкий ужас вырос перед твоим конем!.. А я лишь помог, помог нелепо, случайно, я ощутил твой страх и помог ему принять форму – и лишь я видел, что конь, глупое животное, вставал на дыбы, повинуюсь власти поводыев и обиженно выкрикивая свои конские проклятия...

Ничего не видел конь. И поэтому не понимал жгучей боли в разрываемом рту. Он не знал, что он должен увидеть. Кони не молятся в храмах Ахайри. А люди молятся. Люди верят. Люди знают, кто может встретиться им в ночи. Некоторые даже видели саму Темную Мать, когда она несется по заброшенным дорогам, гоня упряжку крылатых вепрей.

Меня всегда интересовало, какому болвану первому при-

шла в голову идея свиньи с крыльями?! И почему они – люди, а не свиньи, хотя иногда и весьма похожие друг на друга, – почему они не смеются, а боятся?!

Не положено Мифотворцу думать о таких вещах. Традиция есть традиция. А я думал. И втайне посмеивался. Если не злился.

В конце концов, я был чужой. Первый чужой в Доме. Спасибо Лайне – учуяла, высмотрела талант...

Первый – и, наверное, последний.

Я пил бальзам и еще не знал, что я уже действительно – последний.

Только не в этом смысле.

Я сидел, смачивая губы пряной жидкостью, и с каким-то болезненным удовольствием мурлыкал себе под нос один и тот же куплет старой, полузабытой песенки, по многу раз повторяя каждую строку...

Среди бесчисленных светил
Я вольно выбрал мир наш строгий
И в этом мире полюбил
Одни веселые дороги...

3

– ...Иди в мир. Пройдешь через нижний зал, потом по коридору, третья комната; дверь рядом с кроватью под балдахином. Кровати может и не быть, но дверь там одна, так что не ошибешься... И поторапливайся, Дом тебя поберет!..

Я еще не окончательно проспался, упрямые остатки хмеля бродили в налитой свинцом голове, но шершавый голос выдергивал меня из забытья, и я не сразу сообразил, что этот властный, озабоченный, пренеприятнейший голос принадлежит Лайне.

И совсем не похож на обычный, повседневный (или повсенощный?) хрустальный голосок Лайны-Предстоящей.

– Выйдешь в город и направишься к храму Эрлика, Зеницы Мрака. У Трайгрина, его Предстоятеля, новая забота. Пророк у них на площади объявился. Говорит, нет Бога Смерти, и смерти нет, но есть жизнь вечная... А эти остолопы рты разинули и слушают! Пойди разберись...

К голосу Лайны вернулись звонкость и прозрачность, но в нем изредка, как вертлявые угри в чистой воде, проскальзывали визгливые нотки базарной торговли. Я улыбнулся в подушку, но успев понять, что делаю, но успев спрятать улыбку.

– У Предстоятеля Трайгрина свой Мифотворец есть, – пробормотал я спросонья. – Я для Зеницы Мрака не работаю. Тоже мне, нашли мальчика на побегушках...

Я знал Мифотворца при Трайгрине. Вернее, Мифотворицу. Злобная такая старуха, с дымящейся трубкой в желтых зубах, горбатенькая, нос до губы свисает... Одного ее вида хватало, чтобы все вокруг поминали Бога Смерти Эрлика и сплевывали от сглаза. На мифы она не тянула, нет, хоть и неглупа была бабка, а вот сказок вокруг нее – как блох на собаке...

Хлопнула дверь. Забытая бутылка упала со стола и, стуча по коврику, откатилась в угол. Я с трудом приподнялся, морщась и глубоко дыша, и увидел пустую комнату.

Моих возражений попросту не расслышали. Не до того, видно, было.

Я вылез из-под одеяла, кряхтя и ругаясь, оделся, спустился по лестнице – на этот раз винтовой и почему-то без перил, – нашел нужную комнату, нужную дверь (балдахин был, а кровать отсутствовала) и вышел на площадь.

На крупный булыжник площади Хрогди-Йель перед приземистым храмом Эрлика, Зеницы Мрака.

– Куда прешь, козел? – хмуро сообщил мне вислоусый ремесленник из задних рядов гудящей толпы. – И без тебя тесно...

Я аккуратно наступил ему на ногу и стал проталкиваться вперед, напрягая туловище и растопырив локти.

Через пять минут проклятий и сопения я выбрался из потной, горячей массы и остановился, меланхолично разглядывая ступени храма и жирного пророка на третьей снизу ступе-

пеньке.

В то, что он говорил, я не вслушивался. Слов Лайны хватило, чтобы я не сомневался в главном – этот огромный, тучный мужчина с тройным подбородком и складками на багровом лице говорит не то, что нужно.

Значит, он должен перестать говорить.

Он может послужить первой песчинкой лавины, причиной возникновения нового мифа. Вразрез с традицией. Во вред Предстоятелям. И упаси нас Четыре Культа, чтобы его побили камнями глупые горожане или распяли на щите бритоголовые стражники. Тогда справиться с пружиной мифотворения будет гораздо труднее... Нет, все должно быть проще и пристойнее.

Солнце пекло вовсю, голова у меня закружилась, но втайне я был даже рад этому. Я стоял, единственный равнодушный на всей площади, и через минуту глаза пророка – выкаченные пуговицы с кровавыми прожилками – остановились на мне, и я постарался не отпустить чужой взгляд.

И не отпустил.

Мне было жарко. Мне было очень жарко. Меня подташнивало. Это я торчал сейчас на возвышении храмовых ступеней, надсадно крича уже третий час, и солнце яростно поджаривало мою – МОЮ! – лысую макушку. Кровь гулками толчками стучала в висках, просясь наружу, а внизу колыхалось это падкое до зрелищ месиво, колыхалось, колыхалось...

Для начала неплохо.

Пророк покачнулся, не отрывая мутного взгляда от тощего пройдохи в первом ряду – то бишь от меня, его повело в сторону, и голос на мгновение прервался.

Низкий, поставленный баритон с хрипотцой курильщика и сластолюбца.

– Богохульник... – кинул я пробный камень в притихшую толпу. Кинул небрежно, через плечо, со спокойным безразличием; и круги пошли за моей спиной, круги обрывочных реплик, рождающих вопросы, ответы, споры...

Они отвлеклись. Внимание толпы стало зыбким.

– ...И дурак, – добавил я, чуть кривя губы. В ответ раздался смех.

Пророк потерял нить проповеди, судорожно огляделся вокруг в поисках опоры, поддержки, кадык на его шее заходил вверх-вниз, колебля жировые отложения; и смех усилился, выводя слушателей из-под обаяния умело-ритмичной речи.

Жарко. Очень жарко. Я протянул руку к корзине стоявшей рядом торговки и вынул оттуда связку молодого зеленого чеснока.

По три рринги за пучок.

Отделив один стебель с белой луковицей на конце – пророк, как замороженный, следил за моими ровными, неторопливыми движениями, – я сунул чеснок в рот и принялся сосредоточенно жевать, пуская липкие слюни и продолжая

неотрывно смотреть на наливающегося дурной кровью пророка.

Это оказалось последней каплей. Несчастный пророк вздрогнул, втянул ноздрями воздух, задохнулся, лицо его сморщилось и приобрело синюшный оттенок...

Обмотанная горячим тряпьем дубина полуденного солнца неслышно опустилась на мокрый затылок. Неслышно и невидимо.

В тот момент, когда моего подопечного хватил удар, я выбросил вперед руку – не ту, в которой был чеснок, а другую, пустую, – и заорал что есть мочи:

– Эрлик! Вижу! О, Зеница Мрака! О-о-о-о...

На последнем «о» я резко шагнул назад и принялся выбираться из вопящей толпы. Здесь мне больше нечего было делать. Бог смерти Эрлик покарал болтливую оратора. Покарал доброту и публично. Половина народу наверняка видела черную тень владыки небытия с жезлом в деснице, а вторая половина постарается не отстать от первой.

Можно было бы задержаться ненадолго, но я не люблю лишних эффектов.

Уходя с площади, я чуть не сбил с ног низенького толстенького человечка в засаленном полукафтани. Глазки толстячка были блаженно прикрыты, пухлые пальцы сцеплены на округлом животике, и возбужденный гул толпы, казалось, обтекал всю его уютную, домашнюю фигурку.

Ему было хорошо.

...Уже в Доме я неожиданно подумал: «А почему Предстоятель Трайгрин обратился через Лайну ко мне? Почему не к своей зубастой карге? Дело-то пустяковое...»

Ответа я не знал. Тем более что счастливый лавочник, чуть не уснувший посреди бушующей площади Хрогди-Йель, и был Трайгрин.

Предстоятель Эрлика, Зеницы Мрака.

Один из живущих в Доме, Доме-на-Перекрестке.

4

Хлеб был теплым. От него шел густой запах детства и ржаного поля. Я отломил чуть подгоревшую горбушку с трещинкой посередине – и резкий негодующий крик заставил меня обернуться к распахнутому окну.

На подоконнике сидел Роа. Он всегда улетал, когда хотел, и возвращался в самое неподходящее время. Роа терпеть не мог, когда кто-нибудь ел в его присутствии, воспринимая это как личное оскорбление.

Мне он иногда делал послабление.

– Ты же не ешь хлеба, – укоризненно сказал я. – А мясо у меня кончилось. Так что – извини, приятель...

Роа сунул клюв под крыло и принялся ожесточенно чесаться, игнорируя мои наравоучения. Всякий посторонний зритель пренебрежительно отнесся бы к птице на подоконнике, похожей на крупного отощавшего голубя, но мощные кривые когти, вцепившиеся в мореное дерево, портили невинность первого впечатления. А когда Роа соизволил перестать чесаться, то на его кроткой головке обнаружился загнутый клюв более чем солидных размеров.

Роа был алийский беркут. Они все маленькие, отчего, впрочем, окружающим ничуть не легче. И даже наоборот. Если вы способны представить себе комок тугой ярости и дурных манер, весьма неплохо оснащенный для проявления

как первого, так и второго, – это будет примерно треть того, что представлял собой Роа. Или четверть.

Роа – это было все, что осталось у меня от той, забытой жизни, которая чем дальше, тем больше расплывалась, тоннула в тумане нереальности. Просто беркут однажды сидел на плече у самонадеянного шута тридцати шести лет от роду, который всерьез поверил, что он – Магистр Сарт, глава тайного клана Мастеров и тому подобное; и поэтому вправе произнести слова, те Слова, что и в мыслях-то повторять опасно.

Ах, до чего же все оказалось просто! Простой водоворот Вселенной, впавшей в помешательство, простой кратер прорвавшегося вулкана Времени, плавающий боль, крик, изнеможение... и простой пейзаж с простой дорогой и простыми холмами вдоль обочины.

Я пошел по этой дороге, еще не задумываясь, где я и зачем я, а возмущенный Роа по-прежнему сидел на моем плече, хлопая крыльями и ероша сизые с проседью перья.

К вечеру нас остановила кучка оборванцев, считающих себя разбойниками. Я вскинул руки к фиолетовому небу и стал говорить. Еще вчера половины сказанного с лихвой хватило бы, чтобы стереть с лица земли армию. Но вокруг все было просто.

До смешного просто.

– Чернокнижник, – презрительно усмехнулся плечистый главарь, и меня избил. Роа разодрал одному из шайки все

лицо и затем взволнованно кружил над нами, а я мычал под ударами и не знал, что означает слово «чернокнижник», и ничего не мог поделывать, когда они неумело тыкали в беркута самодельными копьями.

Разбойников спугнул купеческий караван с большей стражей, чем им хотелось бы. Меня подобрали, обмыли раны вином и за золотой кулон, оставшийся незамеченным под одеждой, довели до города.

А потом был базар – наверное, базары одинаковы во всех мирах, – нелепая гордость, ссора, позор и Дом, Дом-на-Перекрестке.

И упрямый Роа, неизменно возвращавшийся на мое плечо. А я к тому времени успел выяснить, что «чернокнижник» – это немножко шарлатан, немножко бездельник и немножко фокусник, с легким, почти незаметным налетом мистики.

В общем, это я.

При Предстоятелях подобному сословию нечего было даже надеяться на уважение. Это были люди без будущего.

Здесь мир – очень простой мир. Живущие в нем люди этого не знали, но инстинктивно догадывались. Тут все было естественно – от бурчания в желудке до похода в храм.

И чтобы догадки людей не переросли в уверенность, требовались Мифотворцы. Они были нужны. И я вскоре тоже стал нужен. Кроме того, у меня обнаружился талант.

– Хороший день, Сарт, – звякнули колокольчики у меня за спиной. Роа встрепенулся, переступив с ноги на ногу и

гортанно вскрикнув, но не улетел. Он плохо переносил присутствие Лайны.

Я понял, что день, хороший или какой он там был, закончился. И сейчас вечер. Об этом говорило появление Лайны-Предстоящей.

– Тихо, Роа, тихо... Все в порядке.

– Он не любит меня.

Это прозвучало как утверждение.

– Роа никого не любит, – ответил я, поворачиваясь и сдерживая сердцебиение при виде золотисто-коричневого пеньюара и его прелестного содержимого. (Ирония не помогла, и я говорил медленно и нарочито спокойно.) – Алийцы горды и самолюбивы. Это свойственно всем малорослым...

Я хотел добавить «бойцам», но сдержался. Я в общем-то тоже невысок. А из меня боец, как...

– Роа никого не любит, – повторил я, и, словно в подтверждение, вновь прозвучал хриплый крик моего беркута.

– Кроме тебя?

– Кроме меня.

Лайна прошлась по комнате. Просторное, воздушно-легкое одеяние искрилось при каждом шаге, движении, жесте; сумерки незаметно вошли в комнату и обволокли силуэт Предстоящей, даже Роа притих и нахохлился, поглядывая то на Лайну, то на меня.

Я купался в сиреневой прохладе вечера, обещавшего покой и ласку тихой, умиротворенной ночи с призрачными

блестками южных звезд; сознание растворялось в шорохе невидимого моря, в лепете беззаботных волн, и хотелось броситься вперед, упасть, окунуться с головой, подняв над собой радугу брызг до самого заката...

Но как заноза, как цепь на поясе, как недремлющая зубная боль – солнце площади Хрогди-Йель, и я, мы оба, я и солнце, убившие ненужного человека во имя древнего мифа, и где-то далеко, на задворках, на окраине мозга – крик Роа.

Предостерегающий крик молчащего беркута.

Поэтому я постарался воздержаться от комментариев. А без комментариев наша беседа выглядела примерно так:

– Трайгрин доволен тобой, Сарт.

– Я знаю.

– Вот как? Откуда?..

– Я видел Трайгрин на площади. Он был так переполнен своим довольством, что я стал опасаться за его печень.

– Это не самая удачная твоя шутка, Сарт. О Предстоятелях не стоит говорить в подобном тоне, и тем более – о Предстоятеле Зеницы Мрака Трайгрине.

– Хорошо, моя заботливая Лайна. Я не буду больше говорить о нем. Я бы предпочел даже не вспоминать о нем и о сегодняшнем дне. Сегодня я в первый и последний раз работал Мифотворцем во имя алтарей Эрлика. Потому что понял главное.

– Что именно?

– Во имя мифов Эрлика, как, наверное, и во имя Ина-

ра-Громовержца, надо убивать. Без смерти эти легенды пресны, как лепешка для бедных в самой дешевой дыре Джухорского базара. Но я не хочу привыкать к острым приправам. Мне отныне безразлична печень всех Предстоятелей, вместе взятых, кроме, разумеется, твоей очаровательной печенки, – но моя собственная предпочитает лепешки для бедных.

– Ты храбр. И горд. Как твой беркут. Безрассудно храбр и безоговорочно горд. И так же глуп. Обиделся? Не ври, я же вижу, что обиделся... Причем не сейчас, а раньше, когда я попросила уважительно говорить о Трайгрине, который не столь невинен, как выглядит.

– Послушай, Лайна, если ты...

– Не перебивай. Ты храбр, горд и глуп – но горд и храбр всегда, а глуп лишь изредка. Поэтому я говорю с тобой, как ни одна Предстоящая не говорила со своим Мифотворцем. Более того, сейчас я скажу тебе то, что знают всего четверо живущих в Доме: Трайгрин, Предстоятель Эрлика; Махиша, Предстоятель Инара-Громовержца; Варна, Предстоящая от цветочных храмов Сиаллы-Лучницы; и я, Лайна, Предстоящая Матери-Ночи Ахайри. А пятый – ты, Сарт, чужак, последний из Мифотворцев, потому что... потому.

И тогда я понял, что она уже сказала все, что хотела сказать. Теперь я должен был заставить ее сказать остальное. То, о чем она не хотела говорить.

Сначала умерла старуха. Старуха, работавшая на Трайгрин. Она выкурила свою последнюю трубку, и культ Эрлика, Зеницы Мрака, стал задыхаться, лишившись притока новых легенд и, соответственно, новой веры. Его Предстоятель, Трайгрин, давно не ел, и именно этим объяснялся экстаз, виденный мною на площади Хрогди-Йель.

Следующим ослеп Мифотворец, работавший на Махишу, Предстоятеля Инара-Громовержца. Я видел этого гиганта в деле, когда он в припадке священного безумия врезался в строй латников – сверкание начищенных доспехов, молния кривого меча над рогатым шлемом, безукоризненно подобранные кони, несущие звенящую колесницу, и Ужас над его плечом, взвизгивающий при каждом ударе... Несколько однообразный, но неизменно эффективный стиль. Мой Роа терпеть не мог гребенчатого орла по кличке Ужас, обученного визжать на нестерпимо высокой ноте, и всегда порывался ввязаться с ним в драку, так что мне приходилось силой удерживать алийского недомерка от опрометчивых поступков.

Мифотворец Махиши – кажется, его звали Эйнар, или что-то в этом роде, связанное с Громовым Инаром, – получил булавой по навершию шлема. Ну, не повезло человеку в очередной битве!.. Все когда-нибудь случается в первый раз,

как любила говаривать Лайна – и она оказалась права. Кони вынесли оглушенного Эйнара, Махише удалось привести его в чувство, но глаза воина-безумца теперь видели только черную вспышку случайного удара, и в Мифотворцы он уже не годился.

Третьей была девушка от цветочных храмов Сиаллы-Лучницы. Вернее, она была первой, потому что заразилась проказой, а это не сразу проявляется. Я ни разу в жизни не встречался с ней, но культ Сиаллы Страстной, как правило, процветал, а Лайна с некоторых пор закатывала мне сцены, если я подходил к святилищам любви ближе чем на три полета стрелы. Так что я мог себе представить красоту и неутомимость Мифотворицы хотя бы по тому, что даже Варна – Предстоящая Сиаллы – была прекраснейшей из виденных мною женщин, хотя как раз ей-то особой красоты, в общем, и не требовалось.

...Что-то в этой эпидемии было не то. Не те болезни, не то время, и вообще... Я поежился и передернул лопатками, ощутив призрачный холодок стального лезвия. Или стального взгляда. Чьего?.. Ответа не было. Да я и не ждал ответа.

– Чего ты хочешь от меня, Лайна? – тихо спросил я. – Я не смогу один работать на вас всех. А на Махишу и Трайгрину я вдобавок и не хочу работать.

– Варне плохо, Сарт... Очень плохо. Культы Эрлика и Инара устойчивы, веры в душах людей и без новых мифов

хватит на первое время, а вот с Сиаллой-Лучницей дело обстоит гораздо хуже. Ее храмы уже сейчас начинают превращаться в бордели. И Варна-Предстоящая страдает не просто от голода. Это выглядит так, словно новорожденного младенца накормили бараньей похлебкой с бобами и перечным порошком.

Я молчал. Я слушал. Иногда раньше я задавал себе вопрос – что происходит с Предстоятелями, когда угасает вера в их бога? Куда ушли Стоявшие перед остывшими алтарями?.. И почему их алтари остыли? А золы становилось все больше...

– Ты поедешь в Фольнарк, в местный храм Сиаллы. Мне больно отдавать тебя, Сарт, даже на время, но больше никому подготовить для Варны нового Мифотворца. Причем не одного, а сразу двоих... впрочем, подробности тебе сообщат на месте. Мы пока продержимся, только прошу тебя, гордый и дерзкий чужак, – поторопись!..

Я подошел к ней вплотную и постарался не отпустить этот влажный, ночной, измученный взгляд.

И не отпустил.

– Это ты придумала – я имею в виду поездку и обучение?..

– Да.

– А остальные Предстоятели согласились? Чтобы именно я ехал, учил и прочее?..

– Да.

– Все? Не лги мне, Лайна...

– Не все. Ты же знаешь характер Махиши... Он считает,

что тебя надо убить и переждать смутное время на голодном пайке.

– За что же он так ненавидит меня?

– Это не ненависть, Сарт. Это страх. Деятельный, агрессивный страх. Он считает, что ты неспроста выбрал в Доме именно ту комнату, в которой живешь. И неспроста до сих пор жив...

Я оглядел свою комнату, словно видел ее в первый раз. Девять шагов вдоль, семь – поперек. Окон нет. Стол с инкрустациями горных пород дерева. Кровать. Три табурета. Тумбочка, стенной шкаф и престарелый тюльпан в вазе.

И последние слова Лайны. Махиша боится... похожий на буйвола Махиша, Предстоятель яростного Инара – Владыки Молний.

– Это безумие, – недоуменно прошептал я. – Комната как комната. Ничего особенного...

– Она не меняется, Сарт. Все в Доме-на-Перекрестке меняется, а она – нет. Никогда. Ни при каких обстоятельствах.

Я еще раз оглядел комнату.

– Слушай, Лайна... А действительно – почему она не меняется?

– Не знаю, – испуганно ответила Лайна, Предстоящая Матери-Ночи Ахайри.

6

Когда она ушла – а это произошло отнюдь не скоро, – я всю оставшуюся ночь бродил по комнате, как пораженный лунной горячкой, и все ждал, ждал...

И ничего не дождался. Потом я обнаружил у ножки стола небольшое ручное зеркальце в медной оправе, дико обрадовался – вот оно, изменение! – схватил зеркальце и понял, что его обронила Лайна. Из гладкого овала на меня глянул я, но какой-то не такой я, не соответствующий моему раздерганному состоянию. Мне даже показалось, что тот, который улыбался в зеркале, знает нечто скрытое, о чем мне лишь предстоит узнать; и поэтому он втайне сочувствует мне, морща длинный кривой нос и поджимая твердые губы...

А потом я проснулся. Вещи уже были собраны; я сунул в поклажу ночное зеркальце и направился вниз. Цепкие когти сжали мое левое плечо, и клюв Роа чувствительно прищемил мне ухо. Беркут недовольно кряхтел, вертелся и спустя минуту так заорал на ждущую внизу лошадь, что мне стоило большого труда успокоить бедное животное.

На переметной суме моей лошади была криво прилеплена записка. Всего три слова.

«Тебе нужна охрана?»

Контур Дома за спиной зыбко качнулся, намекая, что с ответом медлить не стоит.

Я достал перо, раскрыл дорожную чернильницу и кое-как примостил обрывок на колене. «Нет», – написал я, подумал, зачеркнул написанное и неожиданно для самого себя вывел слова, о которых не подозревал еще секунду назад:

«Нужна. Слепой Эйнар, бывший Мифотворец Махиши».

Порыв ветра вырвал из моей руки клочок пергамента, завертел и понес прочь. Роа попытался было ухватить его клювом, промахнулся, и я успокаивающе огладил его взъерошенные перья.

Мы уезжали в Фольнарк.

Сказка, убитая на рассвете

...Мне снилось – мы умерли оба...

Н. Гумилев

7

Стой. Как ты оказался здесь, чужак?

Я послушно остановился и принялся рассматривать служителей храма в Фольнарке, преградивших мне путь. Выражение их лиц поражало единообразием и шло по нарастающей: хмурое, очень хмурое, совсем хмурое и настолько хмурое, что последний мог быть только предводителем. Вот ему-то я и предъявил свои верительные грамоты.

Пока он придирчиво копался в бумагах – все, как одна, поддельные, но тех, кого надо, наверняка уведомили, а остальным и такие сойдут, – я изучал предхрамовый сад и даже преуспел в этом, впад в тихую, меланхоличную расслабленность.

Все вокруг – включая портал здания – выглядело старым, заброшенным и оттого донельзя милым. Налет запустения был подобен паутине на древней чеканке, разросшиеся вокруг пышные кусты лоренны благоухали розовыми соцветиями; чуть поодаль, у крохотного пруда, стояла мраморная

статуя богини в окружении прелестных изваяний, сочетавших в себе фривольность и смирение, – я оценил изысканность поз, невольно покачав головой, и на дне каменных глаз Сиаллы полыхнули лукавые огоньки.

Предусмотрительность Лайны оказалась выше всяких похвал – провинциальный храм как нельзя лучше подходил для подготовки будущих Мифотворцев. А телосложение богатырей-служителей даже несколько озадачило меня, но я тут же сообразил, что после Празднеств Богини остаются дети – вернее, получают дети – и самых крепких мальчиков наверняка воспитывают при храме.

– Меня зовут Ратан. – Глава караула вернул мне бумаги и пожал руку, после чего я понял, что в детстве Ратан был очень крепким мальчиком. – Я предупрежден о... твоём приезде. Следуй за мной.

По-моему, вначале он хотел сказать «о вашем приезде», но почему-то передумал. И правильно передумал. Не люблю я этого.

Меня проводили в отведенную комнату, где я оставил вещи, а после мы с Ратаном прошли в левое крыло храма, в котором располагался маленький полутемный зал. Миловидные жрицы в прозрачных одеяниях расступились перед нами, одарив меня многозначительными улыбками, а я глядел на всю эту шуршащую дозволенность, вспоминал характер Лайны, уныло вздыхал и понимал, что от более близкого знакомства с местными обитательницами, к сожалению,

придется воздержаться. Слово «воздержание» только усилило расстройство чувств, и я принялся смотреть в пол.

И оттого не сразу заметил худенького подростка, носатого, костлявого и белобрысого, – он сидел на помосте и настраивал пятиструнный лей, а перед ним, в ожидании прерванного движения, застыла обнаженная девушка; и я вздрогнул, сообразив, что это – они...

Ратан хотел было окликнуть их – будущих Мифотворцев, – но я жестом остановил его и тихо встал за колонной, пристально вглядываясь в людей на помосте. В последнее время мне все чаще удавалось проникать в сущность собеседника, обходясь без слов... Я ведь еще не знал тогда, что передо мной – Грольн Льяной Голос, мой неизменный и бескорыстный спутник, с которым мне придется пройти насквозь не одну вечность; я не знал этого, да и он еще не знал сам, кто он такой, – он просто хотел стать кем-то... он еще только настраивал свой лей.

Но даже в тот, первый раз я сразу почувствовал, что нам легче будет без слов, потому что между нами было нечто, что стоит возле слов, и никогда не теряется бесследно, и не обманывает нас...

Возлесловие

Грольн Льяной Голос

...Я доверился своим пальцам, и они сами перебирали струны, находя новые, единственно верные созвучия, и мелодия поплыла в бесконечность... окружающий сумрак словно отступал, теснимый напором звуков, и языки пламени послушно разгорались, вспыхивая и извиваясь в такт мелодии, а я все не мог оторвать взгляда от Клейрис.

Она парила на зыбкой грани света и тьмы, она была неотъемлемой частью той музыки, которая помимо моей воли разливалась сейчас по храму, и не было больше пыльных дорог, промозглых дождей и хохота пьяной толпы, а было лишь то, что рождалось сейчас, и только сейчас.

Сейчас – и нечто большее, чем просто звучащий лей, танец Клейрис и блики огня на стенах. Между нами рождалась легенда, волшебная сказка, миф – и я, я творил его!.. Вернее, мы с Клейрис.

Она плыла по залу, купаясь в волнах звуков и отсветах пламени, ее тело вспыхивало, подобно огню, или невидимой тенью скользило во мраке; она вся была пронизана сиянием и музыкой, и ее обнаженное тело звало, притягивало, завораживало – это была не та стыдная нагота, которая одновременно соблазняет и отталкивает; нет, здесь танцевала нагая

богиня, сама Великая Сиалла, и я уже видел осыпающиеся на нее утренние цветы в рассветной росе, видел лук, стрелы которого даруют величайшее наслаждение и величайшую муку на этом свете...

...Все мальчишки хотят быть воинами или охотниками – я, Грольн, бродячий музыкант шестнадцати лет от роду, хотел быть музыкантом и стал им! Спасибо отцу – лучшему лееру Пяти Городов, убитому матросами в портовой таверне, когда он отказался играть для Косматого Тэрча в честь его визгливой бабы...

Отец вышвырнул меня в полуоткрытую дверь, следом вылетел его старенький лей, и я бежал, спотыкаясь и плача, падая и прижимая к груди последнее, что у меня оставалось...

...Стрела пронзила мое сердце, я чуть не вскрикнул от сладостной боли – и очнулся.

Музыка смолкла. Мои пальцы безжизненно лежали на струнах лея, Клейрис застыла в круге света с воздетыми к небу руками – и мрак в углу зашевелился, рождая невысокого мужчину с внимательным взглядом, пронзительным и насмешливым, как у птицы на его плече.

Он шагнул в освещенный круг и замер напротив меня.

Я понял, кто это. Жрица предупреждала нас. Вчера.
– Вы видели? – задыхаясь, спросил я. И закашлялся.

Он кивнул.

– И лук? И цветы?..

– Да. Хотя мне-то как раз и не следовало бы всего этого

видеть. И знаешь, Грольн – тебя ведь зовут Грольн? – это и радует, и пугает меня одновременно.

– Спасибо, Учитель...

– Учитель? – Он попробовал это слово на вкус и еле заметно скривился. – Нет, не стоит. Зови меня просто – Сарт.

– Да, Учитель, – ответил я.

И он рассмеялся.

8

На следующий день прибыл слепой Эйнар, бывший Мифотворец Махиши. Я смотрел, как он бредет по саду – неестественно прямой, огромный, с всклокоченными русыми волосами, в бесформенной рубахе, пояс которой свисал чуть ниже живота...

Он шел сам, без поводыря, и Ужас сидел на его руке, вцепившись когтями в кожаный браслет. Роа немедленно попытался затеять драку, и мне стоило большого труда отозвать разъяренную птицу; Эйнар же только тихо свистнул, и его гребенчатый увалень заковылял в сторону и скрылся между деревьями.

Ратан – он был здесь кем-то вроде старшего служителя и в комплекции почти не уступал Эйнару – одобрительно оглядел новоприбывшего, промычал что-то вроде «С приездом, парень» и с силой сжал руку слепца своими каменными пальцами, крепость которых я уже успел испытать накануне. Кисть моя, кстати, болела до сих пор.

Это рукопожатие, казалось, длилось целую вечность: я видел, как понемногу сминается ладонь Эйнара в мертвой хватке служителя, как белеют костяшки пальцев Ратана, – но слепой продолжал вежливо улыбаться, глядя незрячими глазами поверх головы служителя куда-то в небо, и в конце концов Ратан отпустил его руку.

– Мужчина! – Ратан одобрительно хлопнул слепого по плечу. – Жаль, что калека... Идем, провожу.

Он взял у Эйнара огромный тюк, в котором что-то позвякивало, чуть не выронил ношу и как-то странно покосился на слепца.

Поведение Ратана неприятно задело меня, и я поспешил уйти.

Эйнар занял комнату рядом с моей. Аккуратно пристроив в углу свою неподъемную поклажу, он первым делом ощупал все стены в новом жилище и затем отправился бродить по всему храму, а его орел с дурацкой кличкой дремал в холодильнике, игнорируя все попытки алийца нарваться на ссору.

Этот царь птиц, как позже выяснилось, основную часть жизни только и делал, что спал и ел. Такое поведение не могло не вызвать изумления у непоседливого Роа, и он после всех бесплодных воплей наконец уgomонился.

Вечером Эйнар появился в трапезной. Я хотел подвести его к столу, но он отстранил меня, нащупал столешницу и сел сам.

Ужинали мы вчетвером – Грольн, Клейрис, Эйнар и я. Сам ужин проходил в молчании. Внимание Клейрис было поглощено изысканностью трапезы, которую нам подавали, – девушка еще не успела привыкнуть к перемене в своем положении; Гро пожирал глазами девушку и даже не замечал, что именно кладет себе в рот; Эйнар уставился мертвым взглядом прямо перед собой, и прислуга только успевала подо-

двигать ему полные блюда и забирать пустые; а я делил свое внимание поровну между ужином и этой любопытной троицей.

Когда подали десертные вина, Эйнар, по-видимому, глупо задумался, и я с ужасом увидел, как медленно расплющивается в его кулаке тяжелый кованый кубок. Самым страшным было то, что Эйнар не прилагал к этому никаких усилий – он просто держал кубок, думая о чем-то, ведомом ему одному, и металл сминаясь под его пальцами, как сырая глина. Даже Грольн на какое-то время оторвался от созерцания вождественной Клейрис и замороженно следил за метаморфозами кубка.

Потом Эйнар вернулся с небес на землю, уронил на залитую вином скатерть комок серебра – все, что осталось от кубка, – и, очень сконфуженный, долго извинялся за свою неуклюжесть, часто-часто моргая.

Возвращаясь в покои, я осторожно коснулся плеча Эйнара.

– Послушай, Эйн, – тихо сказал я, – а ведь ты мог просто раздавить руку Ратана...

– Раздавить? – непонимающе обернулся Эйнар, и его слепой взгляд заставил меня потупитьяся. – Зачем? Ведь ему было бы больно!.. Я не люблю делать людям больно...

Я не хотел задавать второй вопрос, но он вырвался сам собой:

– Тогда зачем ты приехал в Фольнарк?

– Ты же просил охрану, – пожал плечами незрячий Эйнар, бывший Мифотворец Предстоятеля Махиши. – Вот я и приехал...

...Я учил Гро и Клейрис тонкостям своего – теперь уже нашего – ремесла, и они были понятливыми и благодарными учениками. Мы собирались в том самом зальчике, где я впервые увидел их, изгоняли оттуда всех младших жриц, возмущенных таким пренебрежением к их головокругительным достоинствам; затем рассаживались, кто где хотел, – и я рассказывал им сказки. То, чего так не хватало в этом простом и пресном мире.

Вот и все тонкости. Или почти все.

Часть из этих сказок я знал раньше, часть придумывал тут же, по ходу дела, и слепой Эйнар все чаще спускался в зал и молчал, а я все ждал – когда он заговорит... И Эйнар заговорил! – сперва косноязычно, робко, но потом все более уверенно; они, все трое, то и дело перебивали меня, и русло рождавшегося мифа разбегалось множеством притоков, а там Гро брал лей, Клейрис вставала на цыпочки, а Эйнар глухо бухал кулаком в стену, создавая ритм, основу, и я говорил, говорил, и это были лучшие минуты во всех моих жизнях.

Я видел, что уже не только Гро зачарованно глядит на Клейрис, но и девушка все чаще с интересом поглядывает на юного музыканта. Наверное, так и должно быть. У Варны-Предстоящей будут отличные Мифотворцы – мне стоило

лишь подбросить им мысль, зацепку, а дальше они все делали сами. И даже я начинал иногда видеть то, чего нет на самом деле; то, что несла музыка Грольна, что рождал танец Клейрис, что вздымалось из глубин древних обрядов, и лучезарно-лукавая Сиалла-Лучница как живая вставала передо мной...

Пока все шло хорошо. Слишком хорошо. И я понимал, что должен... – а вот что именно я должен, я как раз и не понимал до конца.

А потом я нашел вход в нижние ярусы храма, на нижних ярусах я нашел библиотеку, а в библиотеке я нашел библиотекаря.

Вернее, сперва услышал голос.

– Здравствуйте, молодой человек, – сказал голос. – Вы что-то ищете?

Сначала я не понял, что обращаются ко мне. Я вздрогнул, огляделся и увидел стремянку, раскрытую у дальних стеллажей. Наверху ее сидел толстый человечек, а на полу рядом с лесенкой стоял столик с большой растрепанной книгой в черном переплете.

В одной руке у библиотекаря был целый ворох рукописей, а другой он пытался одновременно держаться за перекладину и при этом не выпускать пузатый бокальчик дутого стекла. Я принялся и мгновенно понял причину столь бережного отношения к бокалу. Этот запах нельзя было спутать ни с каким другим.

– Здравствуйте, – ответил я, подходя к стремянке. – Вы знаете, я тоже очень люблю хиразский бальзам. И неоднократно слышал, что в компании он гораздо полезней для желудка.

Библиотекарь наконец догадался сунуть рукописи под мышку, ухватился за перекладину, высвободив руку с бокалом, пригубил напиток и посмотрел на меня с задумчивой меланхолией.

– Вы – лакомка, – сообщил он вполголоса. Потом снова пригубил бальзам, еще немного подумал и добавил: – Я тоже лакомка. Бутылка под столом, бокал – там же. Много не наливайте.

Меня несколько удивило наличие второго бокала, словно специально приготовленного, но я не стал искушать судьбу лишними размышлениями. Я послушался совета, покатал на языке божественный напиток и принялся изучать моего гостеприимного хозяина. Да, он мог позволить себе обращение «молодой человек», глядя на меня с высоты не только лестницы. Мои тридцать семь здесь иначе не смотрелись.

Лет шестьдесят – шестьдесят пять, самый расцвет бодрой, деятельной старости при спокойном образе жизни и хорошем питании. Чем-то он напоминал Трайгрину, Предстоятеля Эрлика, – такой же сытенький, благостный, а взгляд настойчивый и с острым прищуром...

Как игла в вате.

Дольше молчать было неудобно.

– Вы, как я вижу, чернокнижник? – улыбнулся я, хлопнув рукой по черному переплету фолианта.

Мои слова вызвали мгновенную и бурную реакцию. Библиотекарь живо слетел с лесенки, отобрал у меня книгу и успокоился только тогда, когда засунул ее в непроходимые дебри стеллажей.

– А вы случайно не из храмовых ищеек? – поинтересовался он, хмуря светлые брови. – Или просто сперва говорите, а потом думаете? Во времена Большого Пожара, когда искоренялся Пятый Культ, такого заявления хватало, чтобы невинного человека тут же посадили на кол. Это сейчас, говорят, послабление вышло – плетей дадут и отпустят...

Я чуть не подавился бальзамом.

– Пятый Культ? – невинно переспросил я, кашляя и утирая слезы. – А нельзя ли поподробнее? Я, знаете ли, приезжий...

Он даже и не подозревал, насколько я – приезжий.

Библиотекарь мне попался знающий и разговорчивый. Похоже, он измаялся в поисках слушателя и теперь отводил наболевшую душу. Вся дальнейшая беседа выглядела одним сплошным монологом с паузами для моих наивных вопросов, а также изумленных или восторженных возгласов (с мысленными вставками).

В сжатом виде все выглядело следующим образом.

В глубокой древности различных культов, культиков и совсем уж крохотных, домашних божков было тьма-тьмушая.

И, согласно принятому мнению, поначалу они каким-то образом уживались между собой, деля сферы влияния.

(Я-то понимал, что уживались не культы и не боги, а их Предстоятели, которые успешно питались верой, отведенной на долю соответствующих богов, и довольствовались малым. Способность потреблять веру, насколько я знал, передавалась от Предстоятеля к его преемнику, но, как это происходило, я не знал и также не представлял себе дальнейшей судьбы старого Предстоятеля, ушедшего, так сказать, на покой.)

Но постепенно одни культы начали возвышаться над другими, поглощая более мелкие (так Эрлик, Зеница Мрака, растворил в себе Шиблу-Исторгателя Душ, Кербета-из-Круга и прочих; Инар-Громовержец поглотил Огненного Тэрча, Хэрмеша-Громовика, Аввейского Бича; остальные преуспели в этом деле ничуть не меньше).

Со временем в государственной религии наметилось пять наиболее мощных культов. (Пять! Пять, а не четыре!..) Они практически не пересекались в делах веры, и делить им было нечего или почти нечего. Эрлик, Зеница Мрака, и Силла-Лучница, Мать-Ночь Ахайри и Инар-Громовержец... смерть и любовь, ужас хаоса и пламя власти.

Пятым был Хаалан-Сокровенный, Отец Тайного Знания. Или Искушенный Халл, как его иногда называли последователи.

(Тайна – основа любой веры, а культ Хаалана претендовал

на единоличное владение ею. Более того, насколько я понял из туманных намеков собеседника, на своих закрытых бдениях чернокнижники – последователи Сокровенного – провозгласили его Единственным и ушли в мир проповедовать новый путь.

Да, неглупый Предстоятель был у Искушенного Халла... Попытаться создать целую армию Мифотворцев, обученных кое-каким трюкам и берущих количеством, – идея превосходная! Он только не учел одного – поскольку считал этот вариант невозможным – и жестоко ошибся! Впервые четыре культа, четыре Предстоятеля объединились против одного – и победили.

Надо будет прощупать Лайну насчет этой баталии...)

Храмы Хаалана были разрушены в связи с решением властей и слухами об извращенных обрядах и оргиях; чернокнижники оказались вне закона, и было запрещено даже упоминать в присутственных местах имя Отца Тайного Знания. Но говорят, что где-то в тайных капищах, скрытно, как и положено адептам Хаалана-Сокровенного, еще существует Пятый Культ; и его последователи не теряют надежды на то, что их гонимый и униженный бог в конце концов займет подобающее ему место – и тогда...

Мы допили бутылку, и я пообещал раскрасневшемуся библиотекарю захаживать почаще. И я был благодарен ему не только за бальзам.

Теперь я знал то, что хотел. Еще не все, но достаточно,

чтобы эпидемия, обрушившаяся на Мифотворцев, получила имя: Хаалан-Сокровенный, в будущем – Единственный.

Вернее – его Предстоятель.

...Неясный шум разбудил меня. Я сел на постели, сунул ноги в мягкие туфли и долго вслушивался. Глухая тишина властно царила в храме. Ни звука. Померещилось, наверное... Да, но отчего я проснулся?

В следующий момент совсем рядом послышались шаги. Они медленно, но верно приближались, шлепая в гулких переходах всей тяжестью явно немалого веса... Рука моя безошибочно нашарила холодную рукоятку кинжала в изголовье – покинув Дом, я старался всегда иметь при себе оружие, хотя и понимал всю его тщету, – но сейчас я с удовлетворением отметил, что, пока я шел к двери, ни одна половица не скрипнула.

Шаги приблизились вплотную и замерли. Потом до меня донесся тихий шорох – словно некто осторожно гладил рукой по стене и дереву – дереву той запертой двери, за которой стоял я, стоял и ждал. Я предполагал, откуда мог явиться незванный гость... Ну что ж, у меня найдется к нему много вопросов; вопросов, на которые я хотел бы получить ответы. Давайте, почтеннейший, прошу вас, во имя Искушенного Халла; ну что же вы медлите?..

И тут произошло то, чего я никак не ожидал, – в дверь робко постучали.

От удивления я на некоторое время потерял дар речи.

Стук повторился, и за дверью послышался неуверенный бас Эйнара:

– Сарт, ты спишь? Открой, это я...

У меня вырвался вздох облегчения. Я поспешил откинуть засов и зажечь свечу.

Эйнар молча стоял в проеме и глядел в стену поверх меня. Через его согнутую руку было переброшено тело какого-то человека в темной накидке. Эйнар постоял, потом рука его разогнулась, и ужасная ноша соскользнула на пол с шорохом, подобным звуку падения кучи тряпья.

Я подошел ближе и присел на корточки у трупа. В выпученных глазах пришельца заплывали смертью недоумение и запоздалый страх. У человека была сломана шея.

– Он пришел за тобой, – просто сказал Эйнар, по-прежнему не двигаясь. – Ему не повезло. Он перепутал двери.

Узкий нож в пальцах слепого выглядел игрушкой. Эйнар еще немного повертел тусклую полоску, затем легко переломил лезвие у самого основания и бросил обломки на тело, тщательно вытерев ладони о подол рубахи.

По комнате поплыл незнакомый резкий запах. Так пахнет гниющая листва.

– Пусть утром уберут. Хорошо, Сарт? И осторожно: по моему, здесь пахнет ядом.

Эйнар нащупал косяк двери, неуклюже повернулся и пошел по коридору, держась, как обычно, неестественно прямо.

Только позже до меня дошло – ему очень хотелось вытянуть руки перед собой. Но он так и не сделал этого.

На рассвете я разбудил слепого, и мы вместе закопали тело на заднем дворе. Нас никто не видел, и я надеялся, что ночной визит некоторое время останется тайной.

Мне нужно было это время.

И почти неделю в Фольнарке ничего не происходило.

Прошлой ночью у меня в комнате появилась Лайна. Вначале я было обрадовался – мне в последнее время вдруг стало очень не хватать моей Повелительницы Ночи, – но тут же понял, что Лайна-Предстоящая (да, соскучилась... да, конечно, но – потом...) пришла не за тем.

Это огорчило меня больше, чем я предполагал. Видимо, воздух храма в Фольнарке обладал некими размягчающими свойствами...

Варна-Предстоящая задыхалась без веры. От меня ждали работы. От меня, и только от меня. На Грольна и Клейрис я еще не мог до конца положиться – у них там что-то начало складываться, и Гро прямо весь светился от счастья, так что толку от них обоих сейчас не было почти никакого. Ладно, дам влюбленным пару дней позаниматься собой, а там посмотрим. Время пока есть, но немного...

Немного. Через три дня в храме (и во всех храмах Сиаллы, вплоть до столичного) должно было состояться Весеннее Празднество. Так сказать, День посева. Раньше на такие праздники стекались толпы народа и вели себя достаточно прилично, но теперь у меня были все основания подозревать, что даже в других, более благополучных храмах Празднество Сиаллы на этот раз может превратиться в безумную оргию – не без некоторой помощи слугителей Хаалана-Сокровен-

ного, будь они трижды неладны!

А вот здесь, в Фольнарке, дела были совсем плохи. Окрестные селения обнищали, людям – в заботах о хлебе насущном – было не до любовных песнопений, да и сил на саму любовь не всегда хватало; кроме того, неподалеку расквартировали сотню панцирной пехоты, и заранее стало известно, что служака-сотник ни за что не отпустит своих солдат в храм Сиаллы, хотя обычно военачальники смотрели на подобные дела сквозь пальцы.

Этот факт, как и многие другие, утвердил меня в уверенности, что чья-то невидимая рука умело выстраивает случайные, казалось бы, события в единую цепь.

Ну что ж, отдых закончился. Пора было браться за работу. Мою работу.

Я смотрел на себя в зеркало, а из его металлической глади на меня пялился в меру нахальный и не в меру франтоватый столичный капрал. Мундир пришелся впору – нигде не давило, не резало под мышками, поножи сверкали кокетливым глянцем; и верительные грамоты из штаба на сей раз были подлинными. Для меня так и остались загадкой место и способ добывания столь весомых бумаг. Молодец Лайна, постаралась...

Я отошел от зеркала, взял сумочку с тремя гранеными флаконами, переданными мне Варной-Предстоящей после убедительных просьб, – и долго запоминал их внешний вид. Не дай бог перепутать... женщины мне этого не простят!

Роа уселся на мое плечо, оступился на эполете и громко выразил крайнее неудовольствие по поводу моего переодевания. Я потрепал его по шее и решил не прогонять. Для избалованного штабиста ловчий беркут-любимец был вполне уместен. Тем более редкая, никем не виданная порода... Что еще? Ах да – меч. Положено по форме, но путается в ногах. И конь. Всенепременно – конь, хотя тут и пешком-то идти не больше часа, и то если не слишком спешить...

– Господин сотник? Честь имею...

Сотник принял меня сдержанно, но вежливо. С одной стороны, я был младше его по чину, но с другой – проверяющий из столицы, чей-то фаворит и возможный кляузник.

Короткопалые лапы сотника неуклюже комкали ворох моих замечательных бумаг, и у меня сложилось впечатление, что наш бравый офицер – человек не шибко грамотный, что было в общем-то и неудивительно; во дворе два солдата вываживали мою загнанную лошадь, с которой капала пена (я прогнал ее вокруг небольшого леска раза три на галопе, для пущей убедительности), и пока все было в порядке.

Со вздохом вернув мне документы, сотник повел меня осматривать казармы. Ну что ж, здесь как раз я и не ожидал разнообразия. То же, что и везде, – деревянные, наспех сколоченные бараки, нары с соломенными матрасами, козлы для оружия... Впрочем, вокруг было на удивление чисто, и я уже с большим уважением поглядел на своего провожатого.

На плацу несколько солдат лениво тыкали длинными пиками в соломенное чучело (похоже, солома здесь была основным расходным материалом). Остальные, рассевшись на траве у забора, жевали смолу и вяло наблюдали за происходящим.

При нашем появлении солдаты поспешно вскочили, вы-

строились по росту и замерли, поедая глазами начальство. Сотник представил меня, Роа с эполета презрительно обкашлял весь строй, и занятия возобновились. Надо заметить, теперь все выглядело куда четче и слаженней – и я еще раз мысленно воздал хвалу моему неразговорчивому сотнику.

То ли он почувствовал смену настроения, то ли просто сегодня был удачный день, только сотник пригласил меня отобедать с ним в офицерском собрании, и я не стал отказываться. Обед оказался весьма недурен, но вот вино подавалось мерзкое – дешевое и крепкое, с каким-то тухловатым привкусом. Я промолчал и лишь едва заметно скривился, что позволило вежливо поднимать кубок и тут же отставлять его в сторону. Вообще-то все шло как нельзя лучше, поскольку вкус зелья из моей сумки (первый флакон, пузатенький, с граненой пробкой, – моя личная инспекция подаваемых блюд плюс олух-услужующий) полностью тонул в дрянном букете местного пойла.

На обеде присутствовали четверо капралов, и их тоже не обнесли ни вином, ни зельем. Я сдержанно улыбался и радовался, что сумел воздержаться от питья – хотя радоваться должна была скорее Лайна... Варна уверяла, что срок действия снадобья – не более двух недель, но я все равно не имел ни малейшего желания проверять на себе его действие.

За обедом потеплевший сотник разговорился и поведал мне, что завтра он с тремя капралами собирается в столицу по вызову (знаю я этот вызов! Бравым воякам явно не тер-

пелось принять участие в Празднестве Сиаллы и пощупать молоденьких жриц столичных храмов!..), а один из капралов останется при казармах для поддержания порядка.

Этого обделенного судьбой капрала звали Зархи, и он по-нуро сидел в дальнем конце стола, кушая за троих и выпивая за гораздо большее количество народа. Видимо, таким образом он пытался скрасить себе вынужденное воздержание.

Некоторое время я внимательно изучал несчастного Зархи, а тот игнорировал штабного хлыща и кидал злобные взгляды на сияющего в предвкушении любовных утех сотника. Характер капрала был не из сложных.

Нарушить приказ он побоится. А от ярости и небогатой фантазии устроит солдатам такую жизнь, что те волками взвоют.

Что ж, такой вариант меня вполне устраивал.

Сотник любезно предложил проводить меня до столицы и лично дать самый лестный отзыв о проведенной инспекции – с отзывом он явно что-то перепутал, это я должен был писать инспекционный рапорт, а не он, – но я не стал заострять внимания на его промахе и отказался от предложения, сославшись на усталость моего коня и помянув с кислой миной столичную суету.

Похоже, сотник весьма обрадовался моему отказу, поскольку истинная цель его отлучки была не самой благовидной, а он был не настолько туп, чтобы самому нарываться на неприятности.

Он и не подозревал, что уже нарвался. С того самого момента, когда запретил солдатам присутствовать на весеннем празднестве в Фольнарке.

Так что сотник любезно предоставил мне свою комнату на время его отсутствия, а я поспешил не менее любезно поблагодарить его, в свой черед заверив в благожелательнейшем (ишь, слово-то какое придумал!) рапорте о вверенной ему сотне, после чего не стану более злоупотреблять его гостеприимством.

Мы расстались вечером самым дружеским образом, считая друг друга полными, но симпатичными болванами.

На рассвете один болван уехал в столицу, а второй занялся делом.

После непродолжительной беседы с капралом Зархи я оставил его в погребке сотника досматривать сладкий утренний сон (флакон второй, нефритовый, пробка резная, три-четыре капли – и сутки ровного похрапывания) и отправился в казармы.

Все выглядело более чем естественно – с утра пораньше оскорбленный капрал забрался в погребок старшего по званию и изнасиловал лучший бочонок из особых запасов, после чего почил в винной луже. Кстати, изрядно попотев, я извлек на свет божий бочонок того самого вина, которое уже ничем нельзя было испортить. В него был опорожнен третий флакончик – самый маленький, металлический, рекомендуется стареющим греховодникам и новобрачным, но не слишком часто.

Завидев меня с беркутом на плече – высокомерный Роа выглядел еще похлеще уехавшего сотника, – солдаты бросили играть в кости и принялись ускоренно (с поправкой на жару) строиться. Я досадливо махнул им рукой:

– Вольно, ребята...

Панцирники застыли в недостроенном виде, обалдело воззрившись на меня.

– Я сказал «вольно», а не «окаменеть и разинуть рот», – пояснил я, усаживаясь на ближайшие нары. – И кости можете

не прятать. Роа, ррай...

Мой алиец соскочил на устланный соломой пол, выковырял из-под лежака кубики, клюнул их, отчего оба выпали «шестерками», и вылетел в дверь – гулять.

– Ну, кто со мной кон раскидает?

Плюгавый солдатик с жиденькими рыжими кучеряшками и сальной ухмылочкой поспешил поднять кости и преподнести их мне на ладони, как на подносе. Играть он явно не собирался.

– Чтоб тебе, мерину драному, плешь вспучило! – рывкнул я в его наглуую рожу и добавил еще кое-что из столичного армейского лексикона, про его неразборчивую мамашу и похмельного Инара. Слава богу (какому?), натаскался, из Дома бегая...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.